
ЛИТЕРАТУРЫ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЮВА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Борькина А. Ю.

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;
aborkina@hse.ru)

ХРОНОТОП ДОРОГИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЗИППЭНСЯ ИККУ («ТО:КАЙДО:ТЮ: ХИДЗАКУРИГЭ») И ОКАМОТО КАНОКО («ТО:КАЙДО: ГОДЗЮ:САНЦУГИ»)

Аннотация: В центре повествования двух рассматриваемых произведений, «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» (1802–1809) Дзиппэнся Икку (1765–1831) и «То:кайдо: годзю:санцуги» (1938) Окамото Каноко (1889–1939), — путешествие персонажей по тракту То:кайдо:, важной транспортной артерии Японии, связывавшей восточную часть страны с западной. Несмотря на то что произведения относятся к совершенно разным жанрам (*коккэйбон* и *тампэн сё:сэцу* соответственно) и их разделяют более ста лет, пространство тракта То:кайдо: в некотором отношении становится для них объединяющим элементом; при этом способы выражения и функционирования хронотопа дороги варьируются у обоих авторов, обнаруживая как различия, так и ряд сходств. «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» демонстрирует широкую панораму поселений на То:кайдо:, предстающих перед читателем в глазах двух главных героев, комичной пары эдосцев, явно знаменующих собой отсылку к произведению XVII в. «Тикусай». Тракт То:кайдо: у Дзиппэнся Икку является своеобразным «антимиром» — гротескным, карнавальным измерением, где довлеют чувственные наслаждения и юмор. Пространство здесь дискретно, при этом оно «действует» наравне с героями, помещая их в те или иные комические ситуации; время в хронотопе — линейное и «бесконечное» авантюрное время, сосредоточенное прежде всего на ощущении чистой бытийности настоящего. В рассказе «То:кайдо: годзю:санцуги», напротив, на фоне То:кайдо: разворачивается «микромир» героини; путешествие вглубь ее душевных переживаний. Пространство все так же дискретно; время — нелинейно и ретроспективно. Имеется и аллюзия к знаменитому литературному путешествию из «Тикусай», однако в новом прочтении: персонажам — врачу Тикусаю и его спутнику — уподобляются теперь героиня и ее муж. Вместе с героями прошлого и настоящего, перемещающимися по То:кайдо: как в реальности, так и в воображении, героиня наконец находит собственный голос и свое место в постоянно меняющемся мире.

Ключевые слова: тракт То:кайдо:, литература о путешествиях, Дзиппэнся Икку, Окамото Каноко, хронотоп дороги.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Borkina Anastasia

(HSE University, Russia; aborkina@hse.ru)

**THE CHRONOTOPE OF ROAD IN THE WORKS OF JIPPENSHA IKKU
(*TŌKAI DŌCHŪ HIZAKURIGE*) AND OKAMOTO KANOKO (*TŌKAI DŌ GOJYŪSANTSUGI*)**

Abstract: In the center of the works studied, *Tōkaidōchū hizakurige* by Jippensha Ikku and *Tōkaidō gojyūsantsugi* by Okamoto Kanoko, lies a journey of the characters along the Tōkaidō road. Despite the fact that the two works are of different genres and are more than one hundred years apart from each other, the space of the Tōkaidō road is a common element for them, wherein the ways of expression of the chronotope of the road varies for both authors. The Tōkaidō road in Ikku's work is a specific "anti-world" — a grotesque, carnival dimension, where sensuous pleasures and humor rule. The dimension here is discrete, the time in this chronotope is linear and "endless". In *Tōkaidō gojyūsantsugi*, in opposite, amidst the Tōkaidō road, a "micro-world" of a heroine, a journey into the deepest layers of her soul is taking place. With the heroes of past and present, wandering along the road in reality and in fantasy, the heroine finally finds her own place in the changing world.

Keywords: Tōkaidō road, travel literature, Jippensha Ikku, Okamoto Kanoko, chronotope of the road.

ВВЕДЕНИЕ

В японской литературной традиции с древности весьма значительное место занимали произведения о путешествиях. Зародившись в форме путевых дневников аристократов и паломников, литература о путешествиях на протяжении долгого времени имела активное хождение в разнообразных воплощениях. Помимо дневников, особую популярность имели литературные произведения о достопримечательностях, путевые заметки (*до:тю:ки*, 道中記), напоминавшие путеводители, и собственно художественные произведения о путешествиях [1, с. 90]. Подобные сочинения могли строиться вокруг поездок в разные японские провинции, однако, несомненно, одним из наиболее частых маршрутов, описываемых в литературе о путешествиях, был тракт То:кайдо: (東海道) — важная транспортная артерия Японии, связывавшая восточную часть страны с западной. По То:кайдо: многочисленные странники отправлялись из новоиспеченной сёгунской столицы Эдо в старую императорскую столицу Киото, проходя по пути своего следования так называемые «пятьдесят три почтовые станции То:кайдо:» — крупные и мелкие населенные пункты у тракта, которые первоначально использовались в утилитарных целях, прежде всего для того, чтобы переменить лошадей; а затем выросли в полноценные поселения.

Путешествие персонажей по тракту То:кайдо: находится в центре повествования двух рассматриваемых произведений, «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» (東海道中膝栗毛, «На своих двоих по тракту То:кайдо:», далее — «Хидзакуригэ», 1802–1809) автора-гэсакуся (戯作者) Дзиппэнся Икку (十返舎一九, 1765–1831) и «То:кайдо: годзю:санцуги» (東海道五十三次, «Пятьдесят три станции

То:кайдо:», 1938) писательницы Окамото Каноко (岡本かの子, 1889–1939). Несмотря на то что произведения относятся к совершенно разным жанрам и их разделяют более ста лет, пространство тракта То:кайдо: в некотором отношении становится для них объединяющим элементом; при этом способы выражения и функционирования этого пространства варьируются у обоих авторов, выявляя как различия, так и ряд сходств. В данной статье репрезентация тракта То:кайдо: в вышеупомянутых произведениях будет рассмотрена в рамках введенного М. М. Бахтиным понятия «хронотоп», под которым понимается существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. Внутри этого понятия выделяется в том числе обладающий специфическими характеристиками хронотоп дороги [2, с. 248].

«ТО:КАЙДО:ТЮ: ХИДЗАКУРИГЭ»: КАРНАВАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И БЫТОВОЕ ВРЕМЯ

Произведение Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» относится к жанру *коккэйбон* (滑稽本, «забавные книги»), который был одним из наиболее популярных видов развлекательной прозы эпохи Токугава (1603–1867), *гэсаку* (戯作). «Забавные книги» зародились в конце XVIII в. как комическая проза для горожан, при этом в числе их главных особенностей выделялись крупные диалоговые фрагменты, мастерски воспроизводившие живую, разговорную речь; грубоватый юмор; сосредоточенность сюжета вокруг низменных, практических сторон жизни. Одним из наиболее популярных сюжетов для *коккэйбон* были путешествия. Эпоха Токугава — время, когда Япония была закрыта как для посещения иностранцами, так и для выезда, при этом в стране воцарились относительные мир и спокойствие по сравнению с предшествовавшими феодальными междоусобицами — стала периодом настоящего «бума» путешествий по стране. В связи с этим наблюдался и новый всплеск популярности литературы о путешествиях. Вот как, например, говорит об этой тенденции во вступлении к «Хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку:

И как не шелохнется ни один волосок на голове, так и на дорогах в нынешнее мирное время все спокойно. Славные подвиги воинов былых эпох сохранились лишь на красочных столичных гравюрах, а луки и деревянные мечи отданы в храмы в качестве подношения могущественным божествам... Ну что же, в такие времена грех не объехать живописные места и знаменитые горы всех провинций — так последуем же в путь за двумя неразлучными друзьями, чтобы потом, когда мы состаримся и облысеем, было что рассказать за чашечкой чая о благих делах нынешнего правления [Пер. по: 3, с. 51].

«То:кайдо:тю: хидзакуригэ» демонстрирует широкую панораму поселений на тракте То:кайдо:, представляющих перед читателем в глазах двух главных героев, Ядзиро:бэя (弥次郎兵衛) и Китахати (北八/喜多八), путешествующих из Эдо на запад, в Киото и Осаку. Сюжет произведения разворачивается вокруг юмористических ситуаций, в которые попадают или которые наблюдают герои на

протяжении своего пути. Кроме того, поскольку, как уже упоминалось выше, в читательской среде того времени существовал повышенный интерес именно к практической стороне жизни, *коккэйбон* Дзиппэнся Икку наполнен подобного рода деталями: скрупулезными перечислениями населенных пунктов, знаменитых мест *мэйсё* (名所) или известных товаров каждой провинции *мэйбуцу* (名物), цен на те или иные услуги и т.п. Некоторые исследователи даже причисляют «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» к так называемым «художественным путеводителям» — произведениям, которые в занимательной форме знакомят читателя с особенностями быта и традициями разных японских провинций [1, с. 100]. «Хидзакуригэ» нельзя назвать новаторским в этом отношении — довольно большая доля его успеха была связана с удачным заимствованием и внедрением мотива путешествия из более ранних работ подобного рода — «Тикусай» (竹齋, 1615–1624) Томияма До:я (富山道冶, 1585–1634) и «То:кайдо:мэйсёки» (東海道名所記, «Записки о достопримечательностях То:кайдо:», 1660) Асаи Рё:и (浅井了意, ?–1691), также построенных вокруг странствий комичной пары героев-мужчин по То:кайдо:. Однако, в отличие от этих произведений, действительно представляющих собой по большей части путеводители, иногда прерываемые забавными диалогами персонажей, «Хидзакуригэ» по своей сути является художественным сочинением с элементами практического руководства для путешественников. Как отмечает исследователь Накамура Юсихико, сочинение Икку, которое первоначально действительно могло задумываться в качестве путеводителя, основанного на поездке писателя в Хаконэ, с выходом продолжений перешло в разряд художественных произведений и, скорее всего, пользовалось популярностью среди тех, кому уже доводилось путешествовать по стране [4, с. 134].

Все многочисленные персонажи «Хидзакуригэ» существуют и взаимодействуют между собой в особом пространстве тракта То:кайдо:. Как классический хронотоп дороги, То:кайдо: представляет собой точку завязывания сюжета и место совершения событий. В качестве главных характеристик этого пространства стоит отметить его дискретность и линейность. Измерение То:кайдо: в «Хидзакуригэ» существует только в рамках последовательного перемещения персонажей из одной локации в другую, при этом то, что находится между опорными точками маршрута, удаляется лишь скудных фраз вроде «вскоре герои добрались до следующего поселения». Путь героев, таким образом, одновременно прерывист и бесконечен — дорога как будто отсутствует, сводясь лишь к каждому последующему пункту назначения, но движение, вечное и поступательное, не прекращается и никогда не поворачивает вспять. Подобная репрезентация была весьма характерна для японской литературы и изобразительного искусства.

Тракт То:кайдо: у Дзиппэнся Икку является своеобразным «антимиром» — гротескным, карнавальным измерением, где преобладают чувственные наслаждения и юмор [5, с. 10–12]. Будучи, в рамках хронотопа дороги, конкретным пространством, имеющим непосредственное отношение к героям, дорогой, на фоне которой разворачивается широкая картина быта в родной стране, измерение То:кайдо: в произведении Икку существует еще и как многомерное пространство,

на разных уровнях осмеивающее и искажающее реальность. Противопоставление «мира» и «антимира» происходит уже на этапе репрезентации реалистичной бытовой жизни в японских провинциях. Быт сам по себе может восприниматься как «иной мир», тогда как контраст жизни и нравов в столице и в провинции представляется еще более заметным. Столкновение главных героев, предстающих в образе столичных снобов (на деле оказывающихся еще более невежественными, чем жители японской глубинки), с «другим миром» воплощается в комичном незнании ими особенностей провинциального быта и традиций.

Другой важный уровень хронотопа «Хидзакуригэ», в рамках которого создается гротескный, карнавальный мир произведения, — это измерение «комедии положений». Пространство здесь «действует» наравне с героями, помещая их в те или иные комические ситуации и выворачивая наизнанку общественные устои и представления о мире. Тракт То:кайдо: и его почтовые станции становятся здесь практически самостоятельными персонажами, которые испытывают протагонистов всеми возможными приключениями. Именно в таком перевернутом пространстве становится возможной критика социального и политического устройства, например осмеяние главными героями представителей привилегированных сословий — воинов и буддийских священников.

Не менее важное значение для анализа хронотопа «Хидзакуригэ» имеет время, в котором существуют и коммуницируют персонажи. Время в произведении Дзипэнся Икку можно рассматривать как линейное и «бесконечное» бытовое время, раздробленное на отдельные отрезки, которые охватывают единичные бытовые эпизоды, перпендикулярные основному стержню [2, с. 279] — движению героев по То:кайдо:. Использование темпорального прогресса как двигателя сюжета, задающего скорость и ритм повествования — типичный прием для литературы *гэсаку*, берущий свое начало еще в повестях о «веселых кварталах» *сярэбон* 洒落本 [6, с. 50]. В «Хидзакуригэ» Икку также уделяет пристальное внимание временной маркировке, в особенности обозначениям начала и конца дня (рассвет/закат). При этом начало дня обычно представляет собой нарративный связующий элемент — время разрешения конфликта, например покидание героями очередного постоянного двора или начало продвижения на новом отрезке пути. Конец же дня, наоборот, становится моментом завязывания конфликта — прибытие вечером на постоянный двор зачастую предвещает для героев грядущие ночные авантюры: употребление алкоголя, взаимодействие с другими гостями, общение с женщинами, а иногда даже и встречу со сверхъестественным.

Протагонисты «Хидзакуригэ» существуют в особом «непрерывном» временном измерении. На протяжении своего длительного литературного путешествия Ядзиро:бэй и Китахати совершенно не изменяются — ни внешне, ни внутренне, равно как и окружающий мир помещает их в повторяющиеся ситуации и типичные конфликты. Такая позиция героев может иметь как художественное, так и сугубо практическое обоснование. С одной стороны, в рамках повествования «Хидзакуригэ» Ядзиро:бэй и Китахати представляют собой внешние, «внебытовые» фигуры, наблюдающие и время от времени в игровой форме взаимодейству-

ющие с частной бытовой жизнью провинциалов на тракте То:кайдо:.. Максимально расплывчатые, маргинальные с точки зрения жесткой сословной иерархии токугавского общества, образы протагонистов вкупе с мотивом их путешествия и постоянным использованием таких сюжетных ходов, как подслушивание, подсматривание, «снятие стен» (часто в буквальном смысле — любопытные Ядзиро:бэй и Китахати могут из-за своей неуклюжести ломать тонкие стенки и ширмы на постоянных дворах и в чайных домиках) обеспечивают героям доступ к наблюдению бытового мира. Таким образом, глазами главных героев читателю показана максимально широкая панорама быта и нравов тогдашней Японии. С другой стороны, говоря о литературе *гэсаку*, нельзя забывать и о коммерческой стороне вопроса, которая часто становилась для авторов-*гэсакуся* определяющей в выборе тех или иных художественных стратегий. После успеха первых двух книг «Хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку поставил выпуск новых частей на поток — продолжения выходили вплоть до 1822 г. — поэтому помещение главных героев во «вневременное» пространство было решающим фактором, обеспечившим возможность публикации все новых и новых частей полюбившегося читателям произведения. Литература была для Икку основным источником заработка, поэтому подобную необходимость также стоит принимать во внимание.

«ТО:КАЙДО: ГОДЗЮ:САНЦУГИ»: НОСТАЛЬГИЯ КАК ПУТЬ ОБРЕТЕНИЯ СОБСТВЕННОГО «Я»

Новелла (*тампэн сё:сэцу*, 短編小説) Окамото Каноко «То:кайдо: годзю:санцуги» была впервые опубликована в журнале «Новая Япония» («Син Нихон», 新日本) в 1938 г. Произведение строится вокруг фигуры героини, имя которой не называется, и повествует о ее четырех путешествиях с мужем по тракту То:кайдо:.. Муж героини по специальности — этнограф, изучает историю развития культуры путешествий в Японии, в связи с чем и предпринимает регулярные поездки из Токио в провинцию. Первое совместное путешествие происходит еще до свадьбы: с конца апреля до начала мая герои посещают Сидзуоку (静岡) и Симадзу (島田). Вторая поездка — сразу после свадьбы: в июне герои отправляются в Фудзикаву (藤川) и Мия (宮). Третий раз героиня проезжает по То:кайдо: после смерти отца, на дворе конец ноября, и они с мужем оказываются в Камэяме (亀山) и Кусацу (草津). Наконец, в последнее путешествие супруги отправляются зимой через двадцать с лишним лет после третьей поездки, и посещают Нагою (名古屋) и Кувану (桑名).

«То:кайдо: годзю:санцуги», в отличие от «Хидзакуригэ», представляет читателю гораздо более подробные описания самих маршрутов перемещения героини и ее мужа. Пространство То:кайдо: постепенно утрачивает свою дискретность, приобретая скорее образ непрерывного потока связанных между собой ретроспекций. Героиню, чьими глазами воспринимаются путешествия, гораздо больше интересуют теперь лирические пейзажные зарисовки, воспоминания о тех или иных исторических событиях или личностях, связанных с местами,

которые она проезжает. Однако не чужд ей и традиционный для эдосской литературы о путешествиях прагматизм — например, повсеместно в тексте новеллы встречаются упоминания о знаменитых местных товарах *мэйбуцу*. Многие из них остались неизменными со времен литературы более ранних эпох, в том числе и «Хидзакуригэ». Так, героиня Окамото Каноко отмечает лепешки-*моти* из Абэкавы (安倍川) (в аналогичном эпизоде «Хидзакуригэ» герои, заплатив за них втридорога, оказываются обмануты) или картофельный суп из Марики (丸子) (в «Хидзакуригэ» — сцена драки супругов в чайном домике, где подают этот суп). С некоторой грустью героиня, однако, говорит и о постепенном упадке, об уходе в прошлое традиций и обычаев, например:

Что до Наруми, некогда славившегося своими тканями в белую крапинку, то теперь там остались всего одна-две лавки, торгующие ими. А ведь раньше во всех этих домах в старинном стиле, уныло тянувшихся вдоль дороги, изготавливали ткани, и владельцы их процветали. Так сказал нам рикша [Пер. по: 7].

Если в «Хидзакуригэ» все события воспринимаются героями непосредственно, в реальности настоящего, героиня «То:кайдо: годзю:санцуги» постоянно обращается к своим воспоминаниям о путешествиях, перемежая рассказы о прошлом с жизнью в настоящем, где ей около сорока лет и она находится на пути в Кувану. Не меньшее значение для формирования хронотопа То:кайдо: в новелле имеют и беседы героев с мужчиной по имени Сакураи (作楽井), заядлым путешественником, вот уже более двадцати лет разъезжающим по тракту.

Есть на То:кайдо: люди особого склада, странники по натуре, и их довольно много — объяснил мне муж [Пер. по: 7].

Сакураи, будучи таким странником, становится для героини проводником в понимании истинного смысла путешествия, дороги одновременно как возвращения к своим историческим корням и движения жизни [8, с. 306]. Сакураи — олицетворение человека из прошлого, хранителя традиций То:кайдо: и его поселений, а его сын — воплощение «странника» в новом прочтении: очарованный красотой То:кайдо: и его историей, он намеревается сделать его «величайшим туристическим маршрутом новой Японии».

Одновременно с реальным опытом странствий, собственным и транслируемым Сакураи, героиня переживает и метафизическое путешествие, выражающееся прежде всего в воспоминаниях о тех или иных выдающихся деятелях, связанных со знаменитыми местами То:кайдо:. Исследователи насчитывают 53 персонажа (по количеству почтовых станций тракта), как реальных, так и фантастических, с которыми «встречается» на То:кайдо: героиня, которая в финале становится одной из них — этих путников, увековеченных в дороге тем или иным образом [9, с. 193]. Прежде всего, конечно, через новеллу красной нитью проходят образы Тикусая и его спутника, которым уподобляются героиня с мужем, в лучших традициях японской путевой литературы, в том числе,

«Хидзакуригэ», путешествующие вдвоем. О Тикусае в новелле вспоминают через другую, не менее важную, фигуру поэта-странника Мацуо Басё: (松尾芭蕉, 1644–1694), когда муж героини цитирует его стихотворение с отсылкой к персонажу Томияма До:я.

Героиня и ее муж буквально следуют путями Тикусая и Басё:, особенно ярко это проявляется в конце новеллы, когда из Нагои они едут в Кувану. В Нагое Тикусай находился несколько лет, прежде чем двинуться дальше в путь; Кувана же — место странствий Басё:, отраженных в сборнике «Зимние дни» («Фую-но хи», 冬の日, 1684) [9, с. 190–191]. Подобный маршрут, представляющий собой своеобразный ответ героини новеллы поэту Басё: сквозь время, замыкает круг идиллического времени «То:кайдо: годзю:санцуги», неотделимого от конкретного, единого пространства родной страны, цикличного и воспроизводящего себя во множестве поколений (Сакураи и его сын, героиня и ее сын), и хоть и репрезентирующего широкую картину жизни, но тем не менее герметичного по отношению к историческому, эпохальному времени. Глазами героини читатель наблюдает ностальгическую картину медленного декаданса, постепенного вымирания традиций и нравов японской провинции, при этом никакие общественные потрясения современности в «То:кайдо: годзю:санцуги» не упоминаются. Путешествие, по сути, происходит лишь вглубь душевных переживаний героини, которой это действительно необходимо — вспоминая молодость, время, проведенное с отцом, свадьбу и семейные будни, героиня осознает, что ей всегда недоставало чувства собственной «оригинальности», аутентичности своей жизни. С юности она находилась сначала в тени отца, помогая в его исследованиях, в том числе делая копии иллюстрированных свитков, затем последовала за интересами мужа. Но, как замечает сама героиня, «если я пыталась нарисовать что-то свое, хоть что-нибудь самобытное, ничего не получалось» (Пер. по: [7]). Поездки по То:кайдо: и общение с Сакураи и его сыном, обращение к великим предшественникам помогают героине разделить с ними собственный индивидуальный опыт, осознать его ценность, преемственность и обрести наконец голос и место в постоянно меняющемся мире.

Поиск собственного «я» в новелле имеет еще один интересный аспект: если принять во внимание, что в центре повествования «То:кайдо: годзю:санцуги» находится женщина, ее «путь к себе» может прочитываться и в более глобальном отношении как нахождение женщиной своего места в новом мире. Начало XX в. в Японии стало временем больших перемен в общественном положении женщин, эпохой, когда более современные пути сочетались с более традиционными. Героиня «То:кайдо: годзю:санцуги», как и большинство женских персонажей Окамото Каноко, нарциссична, ее внимание практически всецело приковано лишь к личностным вопросам, что, как упоминалось выше, прослеживается в целом в хронотопе новеллы, представляющем собой внешнюю проекцию героини, форму освоения ей мира путем экстраполяции личного бытия. Путь героини отражает двойственность пространства и времени, в которых она находится: она одновременно утверждает себя аутентичной, оригинальной, свободной от фигур мужчин, в тени которых находилась до этого, но осуществляется эта

манифестация путем обращения к прошлому, к традиционной стороне жизни, и полного отделения героини от отца, мужа и сына в финале новеллы так и не происходит. Но в этих отношениях героини с прошлым, настоящим и будущим основополагающее значение имеют уже не кровные связи, а тоска по ушедшему и стремление к неясному, непрочному будущему [10, с. 38], сродни тому чувству, что долгие годы заставляло пускаться в путь по То:кайдо: неутомимого Сакураи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тракт То:кайдо:, таким образом, может рассматриваться в качестве главного мотива и двигателя сюжета в «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» и «То:кайдо: годзю:санцуги». Оба произведения обнаруживают ряд традиционных для японской литературы подходов к изображению пространства дороги, в том числе дискретность пространства и сосредоточенность на пунктах следования персонажей (ярко выраженные в «Хидзакуригэ» и постепенно снижаемые, но все еще имеющие место в «То:кайдо: годзю:санцуги»); обилие бытовых, практических деталей; обращение к фигурам великих предшественников, реальных и воображаемых, и связывание с ними своего путевого опыта. В то же время обнаруживаются и значительные различия в хронотопе дороги в двух произведениях. В «Хидзакуригэ» тракт То:кайдо: становится воплощением масштабного «макромира» токугавской Японии. Пространство это по большей части статично, однако многообразно, что дает почву для проявления в нем социального противоречия, порождающего «антимир», измерение карнавала, гротескного юмора и скрытой иронии. При этом мир То:кайдо: в «Хидзакуригэ» в целом — измерение мужчин, полное маскулинности, практичности, грубого, приземленного юмора. В новелле «То:кайдо: годзю:санцуги», напротив, на фоне То:кайдо: разворачивается «микромир» героини. Пространство и время здесь замыкаются на ее фигуре, приобретая феминный характер, выражающийся прежде всего в высокой эмоциональной интенсивности. С одной стороны, это измерение декаданса, попытка ностальгического возвращения в навсегда ушедшее прошлое, с другой — деятельное путешествие героини к собственному «я», к творческой аутентичности и ценности своей жизни.

Литература

1. *Traganou J.* The Tōkaidō Road: Traveling and Representation in Edo and Meiji Japan. New York, London: Taylor & Francis e-Library, 2005.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–408.
3. 十返舎一九. 東海道中膝栗毛. 東京: 岩波書店, 1958. [Дзинпэнся Икку. На своих двоих по тракту То:кайдо:. Токио: Иванами сётэн, 1958.] (На яп. яз.)
4. 近世文学研究事典. 岡本勝, 雲英末雄編. 東京: 桜楓社, 1986. [Энциклопедический словарь по литературе периода Кинсэй / сост. Окамото Масару, Кира Суэо. Токио: О:фу:ся, 1986.] (На яп. яз.)

5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
6. McGee D. Turrets of Time: Clocks and Early Configurations of Chronometric Time in Edo Fiction (1780–1796) // *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*. 2011. Vol. 19. P. 44–57.
7. 岡本かの子. 東海道五十三次. [Okamoto Kanoko. Пятьдесят три станции То:кайдо:.] URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/448_19598.html (дата обращения: 23.07.2020). (На яп. яз.)
8. 佐々木さよ, 岡本かの子「東海道五十三次」と津島佑子「厨子王」— <歌枕> 的性格を視座に // *開智国際大学紀要*. 2016. 第15号. 頁291–307. [Sasaki Sayo. «Пятьдесят три станции То:кайдо:» Okamoto Kanoko и «Дзусио:» Цусима Ю:ко — анализ характерного использования «ута-макура» // *Кайти кокусай дайгаку кийэ*. 2016. № 15. С. 291–307.] (На яп. яз.)
9. 藤田祐史. 岡本かの子「東海道五十三次」—芭蕉の句を視座に. 2017. 第15号. 頁187–202. [Fujita Yūshi. Okamoto Kanoko «Пятьдесят три станции То:кайдо:» — фокусируясь на хайку Басё:] // *Bording Crossings The Journal of Japanese-Language Literature Studies*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 187–202. (На яп. яз.)
10. 宮内淳子. 街道を語る人々—岡本かの子『東海道五十三次』 // *日本文学*. 1991. 40巻11号. 頁 33–43. [Miyuchi Jyunko. Люди, которые рассказывают о дороге — Okamoto Kanoko «Пятьдесят три станции То:кайдо:» // *Нихон бунгаку*. 1991. Т. 40. № 11. С. 33–43.] (На яп. яз.)

References

1. Traganou J. *The Tōkaidō Road: Traveling and Representation in Edo and Meiji Japan*. New York, London, Taylor & Francis e-Library, 2005.
2. Bakhtin M. M. Forms of Time and of the Chronotope in Novel. *Questions of Literature and Aesthetics*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. P. 238–408. (In Russian)
3. Jippensha Ikku. *Tōkaidōchū hizakurige* [Shank's Mare]. Tokyo, Iwanami shoten, 1958. (In Japanese)
4. *The Dictionary of Kinsei Literature* / Okamoto Masaru, Kira Sueo (eds). Tokyo, Ōfūsha, 1986. (In Japanese)
5. Bakhtin M. M. *Francois Rabelais and the Popular Culture of Middle Ages and Renaissance*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. (In Russian)
6. McGee D. Turrets of Time: Clocks and Early Configurations of Chronometric Time in Edo Fiction (1780–1796). *Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal*. 2011. Vol. 19. P. 44–57.
7. Okamoto Kanoko. *Fifty-Three Stages on the Tōkaidō*. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/448_19598.html. (accessed: 23.07.2020). (In Japanese)
8. Sasaki Sayo. Okamoto Kanoko “Fifty-Three Stages on the Tōkaidō” and Tsushima Yūko “Zushiō” — Analyzed through an Utamakura Descriptive Epithet Perspective. *Kaichi kokusai daigaku kiyō*. 2016. No. 15. P. 291–307. (In Japanese)
9. Fujita Yuji. A Study of Okamoto Kanoko’s “Fifty-Three Stages on the Tōkaidō”: Particular Focus on Bashō’s Haiku. *Bording Crossings The Journal of Japanese-Language Literature Studies*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 187–202. (In Japanese)
10. Miyuchi Jyunko. People Telling about the Road — Okamoto Kanoko “Fifty-Three Stages on the Tōkaidō”. *Nihon bungaku*. 1991. Vol. 40. No. 11. P. 33–43. (In Japanese)